

С.С. Неретина

Контурное картирование цивилизации

Svetlana S. Neretina

Contour mapping of civilization

В статье, которая является реакцией на доклад А.В. Рубцова «Российский проект цивилизационного развития: тематическая структура и каркас категорий», контурное картирование структур, способов выявления содержания, смысла и задач цивилизаций обсуждается как имеющее теоретико-методологическое значение. Вместе с тем ставится проблема понимания терминов «государство», «нация», «цивилизация», «право» и прежде всего «история», с которой тесно связано само появление идеи цивилизации в эпоху модерна. Эти термины могут иметь разное значение не только в разных цивилизациях, но и внутри разных регионов одной цивилизации, лишая смысла потуги добиться консенсуса в спорных ситуациях. Анализ этих понятий, составляющих каркас цивилизаций, повлек за собой необходимость представить различие между понятием новой истории как обозначения границы времени и модерна как содержания нового, показать способы темпоральных смещений. Контурное картирование цивилизации обнаруживает и различие между ними, и их общность, а режим историчности, устанавливающий отношения и стратегии отношений между разными временами, позволяет создать разнообразные акторно-сетевые связи – политические с физическими, историческими, социальными картами, уместающимися в карманах каждого человека и пр., – обнаруживая и сходства и уникальность времени в каждом отдельном регионе. Такого рода способность выделения с помощью технически налаженных средств дифференциалов цивилизации, истории или культуры позволяет прогнозировать кризисные моменты, во время которых любое время (прошлое, настоящее и будущее) начинает терять свои очертания. Кризис и осознание кризиса дают возможность преодолеть историю как выражение модерна, ибо нельзя ставить вопрос о будущем, находясь внутри истории. Задача состоит в правильном формировании состава проекта, который должен исключать попытки создавать будущую теорию из прошлого. Пытаться строить только на основании якобы известного и отстоявшегося прошлого – значит обречь свои попытки на неудачу: смысл проекта в том, чтобы преодолеть прошлое, уход от которого свидетельствует о том, что ожидаемые изменения не должны быть похожи на события прошлого. Проект – это попытка обнаружить язык, на котором сможет заговорить будущее.

© Неретина С.С.

Ключевые слова: история, время, цивилизация, картирование, метафора, выбор, революция, постмодерн, опыт, ожидание.

The article, which is a reaction to the report of A.V. Rubtsov “Russian project of civilizational development: thematic structure and framework of categories”, contour mapping of structures, ways to identify the content, meaning and objectives of civilizations is discussed as having theoretical and methodological significance. At the same time, the problem of understanding the terms “state”, “nation”, “civilization”, “law”, and above all “history” is posed, with which the very appearance of the idea of civilization is closely connected, which can have different meanings not only in different civilizations, but also within different regions of one civilization, depriving the sense of trying to achieve consensus in controversial situations. The analysis of these concepts, which make up the framework of civilizations, entailed the need to identify the difference between the concept of New history as a designation of the border of time and Modernity as the content of the new, to show the ways of temporal shifts. Contour mapping of civilization reveals both the difference between them and their commonality, and the historicity mode, which establishes relationships and strategies of relationships between different times, allows you to create a variety of network connections: political with physical, historical, social maps that fit in the pockets of each person, etc., revealing and the similarities and uniqueness of the time in each separate region. This kind of ability to identify differentials of civilization, history or culture with the help of technically adjusted means makes it possible to predict crisis moments during which any time (past, present and future) begins to lose its shape. The crisis and the awareness of the crisis make it possible to overcome history as an expression of Modernity, because one cannot raise the question of the future while being inside history. The task is to correctly form the composition of the project, which should exclude attempts to create a future theory from the past. Trying to build only on the basis of a supposedly known and settled past is to doom your attempts to failure: the purpose of the project is to overcome the past, the departure from which indicates that the expected changes should not be similar to the events of the past. The project is an attempt to find a language in which the future can speak.

Keywords: history, time, civilization, mapping, metaphor, choice, revolution, postmodernity, experience, expectation.

Доклад Александра Вадимовича Рубцова имеет важное и прежде всего теоретико-методологическое значение, и я полагаю, что это введет в разработку проекта весомый оппонирующий голос, потому что он – и справедливо – нарушает обозначившуюся линейность в восприятии российского развития, давно и многими принятую, но также давно и многими развезянную, и не принятую во внимание. Такая изящная бескомпромиссная полемика представлена с помощью тропологии (логики переносов, иносказаний, показывающих возможности мыслить цивилизационное в данном случае видение) – в статьях метафорам, аналогиям, сравнениям уделяется первостепенное значение, ибо они то маскируют, то, наоборот, проявляют суть дела. «Начинать анализ с политических иносказаний приходится еще и потому, – пишет Рубцов, – что именно здесь, а не в прямых декларациях проступают контуры цивилизационного выбора, как он есть не на словах, а в деле. Точнее, здесь сопрягаются две метафоры, два больших тропа: *риторика цивилизационного*

выбора (например, между Западом и Востоком)» – Она «работает как иносказание выбора политического (например, между подконтрольной властью и диктатом), но в то же самое время» это «*недекларируемый, но реализуемый выбор*», который «сам прячется за иносказаниями, только уже необязательно цивилизационными. Эти метафоры второго порядка могут быть в том числе историографическими и пластическими, артикулируемыми в текстах, мемуарах и других форматах псевдонауки и якобы искусства». Таковым, например, является памятник св. Владимиру, очевидно свидетельствующий о православно-религиозном смысле цивилизации и ее декларируемой мощи, ибо размерами он превосходит все мыслимые ранее, кроме памятников Ленину и Сталину и пирамиды Хеопса. И это – свидетельство интенций времени. Но «искусственно наращиваемая метафорика» рядом порождает другую форму, которую тоже можно принять за метафору, – анонимность. В словаре «Средневековая история культуры», когда-то желанном детище А.Я. Гуревича, вообще нет упоминаний ни об одной персоне. Культурно-исторический такт – хорошее определение для такой ситуации – в данном случае соблюден в полной мере (при условии обоснованности величиной) или не соблюден вообще (в случае несогласия с манифестациями подобных величин).

Мы вступаем нашим проектом в область футурологии очень вовремя – в момент всеобщего кризиса, внезапного изменения всего мира, его структуры, его составляющих, который (мир), впрочем, долго этого кризиса ждал. И я согласна в данном случае с А.В. Рубцовым, что мы заняты *конструированием* (теоретиков конструктивизма много), руководствуясь желанием того, что в рабочем конструировании называется *правильно сформированным составом проекта*. Главное при этом – он, проект, должен включать то, о чем всю свою жизнь предупреждала история философии, – пытаться создавать будущую теорию из прошлого, *забывая, что время течет из будущего*. Пытаться строить только на основании якобы нам известного и отстоявшегося прошлого – значит обречь свои попытки на неудачу, ибо *мы потому и уходим от прошлого, что желаем изменений, не похожих на те, что уже произошли в прошлом, а тех, что могут произойти в будущем*. Этих изменений мы не знаем, мы лишь пытаемся их открыть в силу данной нам гомохронности и синхронности, одно- и одновременноности, бесконечности времени, в котором мы находимся. В докладе это названо фактором непредсказуемости.

Однако вполне правомерен вопрос: есть ли будущее у прошлого? Вопрос, встающий в оппозицию докладу «Какое прошлое нужно будущему России?», на который ссылается Рубцов. В свое время «вопрос: *есть ли будущее у прошлого...* был лишь строкой опроса: действительно ли мы готовы остаться без будущего» [3], соответственно, и без прошлого, ведь по определению их нет. «Поскольку будущее никогда в истории не выросло

из современности» (как бы мы ее ни называли – модернизмом, постмодернизмом, постпостмодернизмом, в 60-е гг. XX в., когда действительно проводился подобный опрос, таких слов не было), понимаемой как «нестойкий коллективный консенсус из статус-кво», – мы никак не выйдем из своей же интриги: ставить вопрос о будущем исходя из *истории*, находясь *внутри нее*, – значит ставить вопрос, на который нет ответа [3]. Мы будем стоять на месте, в то время как должны учиться понимать язык, на котором *только еще сможет* заговорить будущее, а потому работа над будущим открыта. Для этого как раз и нужно преодоление модерна, ибо именно модерн – родоначальник истории как центральной философской проблемы, связанной с порядками времени и режимами историчности, о чем уже довольно давно писал французский историк Ф. Артог [1].

Карта – это попытка как-то обнаружить вещи, проговаривающиеся языком этого будущего, и понять, отвечаем ли мы на глобальные вызовы, о которых говорит Александр Вадимович, прежде всего на сырьевой вызов: хотя сейчас можно говорить скорее о гибридности России, о том, что она «недо» – недопетрогосударство, недокоммерческое государство и недогосударство с сетевыми структурами, хотя когда-то была хорошо развитой не сырьевой, но аграрной страной, что ценил, например, тот же Черчилль.

К чему ведет это «недо»? К тому, что мы сейчас присутствуем при попытках одних исследователей понять разломы, щели или преобразования истории, а других – прошлое законсервировать, сделать его неработающим, стоячим, соответственно, при такой консервации не работающим (оконченным), как и само понятие «история», – в другом смысле, чем у Фукуямы. Но все же должно осознать, что при попытках узнать цивилизационное или какое-то другое будущее мир рухнет, хотим мы этого или не хотим, и это возвращает мысль к миру, где человек появился впервые (если уж говорить о бескомпромиссности), к миру, который создал его и который им создавался. Идею такого мира (даже мира миров) давным-давно высказывал М.Я. Гефтер, но вот о том же говорит Ф. Артог и др. Нарушение порядка времени ведет к смешению времен, о чем давно говорил российский археолог Л.С. Клейн [5], о том же говорится в упомянутой статье Артога, который подчеркнул, что трещины во времени были замечены в эпоху мировых войн, и тон в обсуждениях стало задавать не прошлое, а настоящее, и оно же завещает прошлое будущему. Сам же Артог полагает неизвестное будущее. Его «поколение родилось из события (1940–1945. – С.Н.), которого не знало» [1]. В этом смысле это высказывание историка начала XXI в. можно считать ответом на проведенный в 60-е гг. XX в. опрос «есть ли будущее у прошлого?». Настоящее оказалось тем самым «нестабильным статус-кво», опорой для толчка в это будущее. Технология продолжала развиваться, настоящее время становится лишь кое-каким оправданием общества, находя-

щегося в постоянной готовности к прыжку. И дело оказалось не в определении «прошлое – то, что было, а настоящее – граница между прошлым и будущим», а в осознании стертости дистанции между временами в пользу темпоральности настоящего, которая давно называется презентизмом.

Его может презентировать контурное картирование. Однако контурное картирование содержания – это еще и попытка обнаружить не просто пустые, незаполненные места, но наполнить их таким – пусть пока потенциальным – содержанием, включенным в режимы опыта (прошлого) и ожидания (будущего) [11]. Не исключено, что все они, оказавшись заполненными, положат конец *истории как собственно эпохи, начавшейся с христианской эры*: термин «история» и раньше был, но история не определяла эпохи, не была средоточием философского внимания, в то время как в XVII в. появилась даже историка, исследование которой привело в XVIII в. к изменению самого понимания истории – из собрания сведений, из судьи-истора и из *magistra vitae* она превратилась в историю рассказанную и историю свершившуюся, мыслимую и реальную, *Historie* превратилась в *Geschichte*. Смену вокабулярия как раз и обнаружил Р. Козеллек, хотя о том же писал и Гефтер в «Третьего тысячелетия не будет», а еще раньше Хайдеггер. Да и сам хайдеггеровский проект и хайдеггеровский отказ от теологии не случаен. Проект может предполагать нехристианскую эру, где нет такого, в том числе цивилизационно-исторического, отсчета. Не случайно, что термин «цивилизация» появился в то же время, когда история стала философским нервом. У его родителя, шотландца Адама Фергюссона, – это философский термин (1767). В Германии затем цивилизацию преобразили в культуру. Т. Моммзен писал о человеческом долге помешать цивилизации разрушить культуру, хотя цивилизация, напомнил затем Ш. Сеньобос, не только разум, но и дороги, порты и причалы.

Если это иметь в виду, то в таком случае становится понятно высказывание Рубцова о том, что с помощью контурного картирования можно расширить или ужать «круг аналитических интересов здорового человека», хотя «подобно компьютерной игре в “Цивилизацию”, захват целого здесь также осуществляется особого рода симуляцией». Это важное слово – «симуляция» – фактически обозначает соотношение между нарративом и реальностью, которые часто начинают «выдавать» себя друг за друга, и тем, что происходит *вдруг*, вне всякого плана – при столкновении, например, незавершенного позитива модерна с экстремальным политическим постмодернизмом, последовательно разрушающим принципы порядка, денотации и адекватности смысла».

Тем более что философия – цитирую – «исходит из презумпции, во-первых, предельных оснований, а во-вторых, искомой полноты картины мира или хотя бы ее обсуждаемого фрагмента».

Вот то, что *происходит вне плана*, то новое, о чем говорит Рубцов, и есть самое продуктивное, это и есть «гость из будущего», с которым не всегда знаешь, что делать. Будучи уверенной в том, что философия исходит или доводит рассуждение до предельных оснований, я, правда, не уверена в том, что она исходит из искомой полноты мира (как не уверена и в том, что у философствования есть «узко понимаемые профессиональные пределы»: предельность не узость, напротив, она всю *глубину* проблем принимает на себя как ответственность, вбирая все, в том числе нефилософскую мысль. Это *напряжение* мысли. Искомость мы как раз ищем и чаще всего исходим из ничего, из того, чего нет, или чего-то, что неясно мерещится. Мы всегда проходим через нулевую отметку.

Новое – это проблема. Не случайно нет определения *новому*: в словарях оно передается через нововведение или альтернативу старому, хотя Новое время мы определяем через осознание неимоверной новизны, постигая ее интуитивно и считая чем-то само собой разумеющимся. И вот что интересно: мы лишь недавно стали называть эпоху, длившуюся с XVII в. модерном, прежде называли Новым временем, ибо это – разные вещи. Новое время – это *фиксация* некоего наступления времени, а модерн – *содержание* этого времени.

Новое время – революционный разрыв со старым временем, и, хотя речь идет об абстрактном времени, именно в качестве революционного разрыва оно было принято как термин в нашей историографии. У нас и сейчас все воспринимается через революционный слом – даже призывы к эволюционизму основаны на страхе перед революцией, а не на теоретических исследованиях эволюции.

Революция 1789 г. и все с нею связанное были порождением не только света знания, но и его отрицания. Через это прошла вся Европа, *и слепота коснулась не двух государств*, а всех – фашизм был повсеместно (Италия и Испания, помимо Германии, да и в России, если мы помним, в Манифесте ЛЕФа было упоминание – шедшее от Ф.Т. Маринетти – о фашизме, и Маяковский пытался использовать его как «продолжение всегдашней борьбы за коммунистическую культуру» против вульгаризаторов и украшателей производственного быта). Кажется, люди Нового времени сообща прошли все стадии французского революционного действия. Гильотинированное сознание коснулось всего нашего полушария. модерн с его идеей испытания нового, провел эксперимент не над двумя странами – у Гефтера одна из книг называется «Неостановленная революция», да и сейчас идет бесконечная *реформация*, – эксперимент над всеми, и потому новое (пандемия в том числе) ведет к пересмотру самого статуса новизны. Есть ли новизна? Чем была новизна Нового времени?

А новизна была: за священной историей и множеством историй открылся исторический процесс, развертывающийся в непрерывном, однородно текущем, нормативно измеримом времени. Все подчиняется такой линейности, делающей ненужными разные времена и разные меры. Не может быть турецкого или парижского ливра, разных размеров локтя и, конечно, одиннадцатичасового дня, о котором в свое время сообщала некая «Историческая библия». Об этом пытался напомнить О.Э. Мандельштам, когда писал, что и «Батюшкова мне противна спесь: Который час, его спросили здесь, а он ответил любопытным: вечность». Конечно, «светлый циферблат» не вечность, все же что-то от нее в нем есть.

Но что такое сам термин «новое»? Как иногда определяют математики (у философов я не видела), это – повтор старого или антипод его (Рождество), это – то же самое, но идущее вслед (то же Рождество на другой год), другое (его иная трактовка), субстанция информации, семантика и формы семантики, творческий момент которых состоит в наращивании элементов информации, переструктурировании. Так, ксерокопия – многократно повторенная информация, имеющая несобственную форму-носитель, плагиат – заимствование свободно циркулирующей информации. «Новый научный результат представляет собой структурированную новизну, которая “генерирует” образы, выходящие за рамки порождающих их посылок-прообразов» [2, с. 134]. Идеология – это псевдоновизна, но именно она часто признается за новизну (так, премьера оперы «Леди Макбет Мценского уезда» при появлении в 1934 г. имела ошеломляющий успех и ошеломляющий разгром через 2 года, в 1936-м) [Там же, с. 136].

Новое связано со всегдашней жадностью его: Христос всегда нов, а потому Амвросий Медиоланский отменяет даже мысль о культуре на тысячу лет, считая, что речь идет о языческой традиции; в XIII в. возникают *logica vetus*, *logica nova*, *logica modernorum* и даже *logica modernissima*. Первые две разбирались с анализом разных книг Аристотеля (старые трактаты, вновь появившиеся), а последние делали попытку понять, что такое неразрешимое (вот и отличие от просто новизны – в постановке проблемы!). Поэтому, когда Рубцов пишет, что «Новое время открыло себя человеку, миру и будущему, сбросило с себя путы косности... расковало субъективность и самопознание», то это так, но насколько это так? После Августина известны только две «Исповеди»... Можно сказать, что наш постоянный мысленный возврат к анализу событий, происходящих во времена Орды, Ивана Грозного, Петра I, т.е. наша постоянная оглядка на прошлое, – это *наши симфонии*, сделанные для того, чтобы связать историю в целое, и эта сеть не разорвана (сеть – важное для нашей задачи слово!), но это означает ее замкнутость (не открытость), ее боязнь быть разорванной, если не понять это и как тот предел, за которым просматривается выход из истории и попытка взглянуть в будущее. модерн представляет собой две совокупности

разнообразных (перпендикулярных) практик: *перевод* (с разных языков, с обыденного языка на язык науки, с языка науки на обыденный язык и язык практики, с одного иностранного языка на другой, что все вместе образует сети) и *критику*, предполагающую очищение разума, а значит, и языка, т.е. и переводов. Это то, чем мы занимаемся сегодня, пытаюсь угадать цивилизационное развитие в будущем. И мы полагаем в этом какой-то выход, хотя это наш крест.

Потому мне кажется, что предложение Рубцова осуществить не только цивилизационное картирование, но и составить карту понятий, из которых исходит *мировая* практика в описании (определении) состояний этого мира, – это насущное предложение, которое позволит вынести на поверхность и те прежде скрытые моменты-мотивы, элементы устройства, которые существуют, как град Китеж. Ибо мы, пытаюсь определить *особый* путь России, забываем о том, что термины при этом используем не китайские, не арабские, не индийские, а общеевропейские. Кажется, что нужно попытаться определить время и место их появления и их явления именно как особого в русской, затем в российской действительности. *Цивилизация?* При этом нельзя обойтись без понятия «*civis-гражданин*»? Где оно было *там* и где оно *здесь*? Оно связано непременно с пониманием *права, собственности и отношением к праву и собственности*. Этого понятия не было у Хаммурапи или в Египте, хотя там были законы, ибо оно возникает не там, где существуют даже писанные законы, а там, где есть институт, следящий за их выполнением (и за исполнением равенства при применении законов). Собственно, этому посвящена и «Апология Сократа». В Московской Руси упоминание о гражданстве существовало с XVI в., несмотря на разбой Ивана Грозного, уничтожившего граждан Новгорода и Пскова, но о нем упоминает князь Андрей Курбский, который, ратуя за *общую вещь христианскую*, что сам он в глоссах определял как *христианскую республику*, напоминал царю о необходимости исполнения христианских законов. Как считает К. Ерусалимский, «князь Андрей стал первым республиканцем, пытающимся, как ни парадоксально, объединить имперскую традицию с Цицеронианством и шляхетской традицией». Конечно, его желание, «чтобы на Руси происходило то же, что и на сеймах в Речи Посполитой, – это шляхетская утопия» [4], но акцент в данном случае ставится на употреблении терминов. Термин «гражданин» был в большом употреблении и у известного консерватора К. Победоносцева [8], но у нас в определенный период времени сложилось боязливо-отрицательное отношение к слову «гражданин» (в обращении «гражданин начальник»).

Другое нуждающееся в пояснении понятие – «*государство*». Мы его понимаем как установившуюся вертикаль власти, предполагающую подчинение. Мы умудрились Цицероновскую (долго работавшую по горизонтали общенародных институтов) *res publica* (предполагающую выборность на

определенный срок магистратов, личные права и свободы граждан) перевести как «государство», а «*Il principe*» Макиавелли как «государь», хотя создатель «*Il principe*» совершенно точно назвал принципатом наметившийся в его время способ правления, потому и читал историю периода Октавиана Августа.

В XVI в. мы в то же время столкнулись и с идеей русского мира [3], даже русской системы, как назвали результат «великой самодержавной революции середины XVII столетия» Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов [9], которая позволила глобальности разместиться в повседневности. Однако обратим внимание: это случается примерно в то время, которое называется Новым или модерном. В этом смысле очень значимы все приложения к докладу со ссылками на работы автора. Во всех приложениях речь идет о *встраивании* России в мировой процесс со своими особенностями – не сепаратностью.

Но тем не менее, когда говорится, что в эпоху модерна люди были ослеплены светом настолько, что тьма породила два тоталитарных режима, направленных на хомицид, затрагивающий не только другие народы, но собственный, на гражданскую войну, когда делается попытка лишить человека права даже на индивидуальную смерть, которую, к счастью, человек отстоял, принимая решение о самом себе, например, во время войны (мы об этом в принципе писали в сборнике «Человек и война»), это надо прояснять. Это действительно стало масштабной практикой именно в Новое время, главной опорой которого был естественный свет разума, т.е. элиминация исследования той области, которая прежде называлась небесным градом. Хотя от Бога никто не отказывался, но очевидно, что главной своей опорой человек стал считать самого себя. К тому времени, видимо, было уже утрачено то знание о Боге, которое было в Средние века. Я сейчас имею в виду не только когнитивное и логическое состояние, а экзистенциальную ситуацию. Человек стал ловким, механическим, автономным, но не божественным, т.е. то общее чувство, остро переживающее начало еще невербализованной, едва мелькнувшей мысли, исчезло. Я – медиевист, я все время ощущаю, как даже в исследованиях мы упускаем нечто весьма существенное в понимании Бога, ради которого строили великолепные соборы, писали невиданные иконы, фрески, миниатюры. Ибо поскольку Он был и внутри человека, отчего тот, как Бог, становился бесконечным, то делал это и ради Себя, не очень обращая внимание даже на то, что не все всегда помнили молитвы, не умели читать и писать. Уничтожение (ересь) было всегда, но всегда были и *cives* – граждане *reipublicae Dei*. В Средневековье все и все было **разным** (нынешние призывы философов к онтологической дифференции, историков и культурологов – к основанию «мира разных» – свидетельство памяти о том прошлом и конца того прошлого). В то время, помимо разных индивидов, были разные меры веса, разные деньги. *Монотеизм* обязательно вел к разномирию, к экви-

вокации, разновокации и поливокации (двуголосию, разноголосию и многоголосию). Один – только Бог. Что Он такое? Ни мы, ни они не знали: Он такое Иное, о чем мы ничего больше не можем помыслить, как припечатал Ансельм Кентерберийский, при творении использовалась та самая *тропология*, о чем упоминает Рубцов, к сожалению, не как о *логике*, а именно она обеспечивала разновещание вещей и их разное содержание. Важно было сказать не «Сократ – человек», а «Сократ – человек».

Именно эпоха модерна все свела к однообразию. Она отобрала у Бога Его одинокость, свела Его на землю, пытаясь вывести законы, применимые только на земной поверхности, но что значит *это* единство, если не понято *то*? Значит, что все попытки создать порядок из хаоса ведут только к хаосу. Согласна поэтому с Рубцовым, что современное привлечение терминов «цивилизация», «проект» и многих других (добавлю еще: «нация», когда-то понимавшаяся как землячество в университетах, даже сам термин «термин», некогда имевший смысл звука, представленного буквой, «инквизитор» употреблялся Феофилактом Лопатинским в значении «пирронист», т.е. сомневающийся) легко свести к «бесконечным спорам о словах», если не провести картирования, которое покажет, что где лежит, что с чем связано и какое содержание оно имеет. Мы часто употребляем слова, не вполне понимая их значение или не зная иного значения.

К тому же, конечно, нельзя вычеркнуть из памяти все созданное в XIV–XV вв. в европейских странах и – уже – в городах, где появлялось представительное правление.

А мы говорим: разворачиваемся лицом к Востоку... Но что это значит? Какой Восток имеется в виду? Хотя киваем – *это*-де взяли, например, в Орде, а *то* – например, в Византии. Но я склонна думать, что наша российская срединность – ни то и ни это, не особый путь, а просто свой, где Восток – это и «приращение Сибирию», а что было взято оттуда – это тоже должно стать закрашенным определенным цветом на контурной карте.

Мы несколько раз разворачивались и в сторону модерна: в XVI и потом в XVII вв., едва не создав своей академии еще в начале XVII в., когда Борис Годунов пытался пригласить каких-то немецких учителей. Потом появилась греко-латинская школа при Патриаршем дворе (Ртищевская), Спасская школа и др. и в конце концов – Московская славяно-греко-латинская академия. С оглядкой на кого? На испанцев Г. Васкеса, Ф. Суареса, Р. Арриагу, но рядом уже были и Сковорода, *аверроисты* братья Лихуды или, скажем, Феофилакт Лопатинский (XVII–XVIII вв.) – русский схоласт, написавший «Диалектику». Была сделана попытка создания энциклопедии наук о природе. И, несмотря на ненадежное политическое, экономическое, философское «шевеление» (философский факультет, открытый в 1819 г. в Санкт-Петербургском университете, был закрыт в 1850-м, когда власти были перепуганы

влиянием Французской революции 1848 г., однако с 1859 г. снова началось философское образование, но уже на общеуниверситетской кафедре философии), российская мысль включилась в ситуацию модерна во многом за счет мощнейшего культурного (со стороны писателей, живописцев, музыкантов) вброса, а в конце XIX – начале XX в. возник и термин «модерн», когда заново возникло осознание «мира впервые» (Мандельштам). В проект модерна Россия вступила поздно. Он не сумел завершиться – две войны и три революции сделали свое дело, не были завершены и многие вызываемые эпохой модерна преобразования, которые скоро поглотила и развеяла постмодернистская волна...

В свое время был проект «Политический атлас современности», в котором были проведены сравнения таких универсальных теорий, как теневая теория мировой политики в целом: как она «работает» в разных странах и частях мира? Речь не о конспирологии, а об изображении неких исходных представлений, которые людям кажутся самоочевидными, и потому они их не фиксируют, но эти «неопознанные» представления, спрятанные, как говорит Рубцов, за иносказаниями, служат основанием для других концепций и описаний; затем дается конкретизирующая такую теорию модель политической организации мира и слои за слоем рассматриваются исследовательские гипотезы; методики пошагового универсального сравнения и, как их следствие, разномасштабное концептуальное картирование, с помощью которого и выявляются режимы историчности, обнаруживающие связи и отношения с прошлым и будущим.

Артог в качестве примера приводит наблюдение за ломкой Берлинской стены, когда «огромные, обшарпанные, изрешеченные пулями фасады домов на восточной стороне предъявили время, которое на этой стороне протекало иначе, чем на западной... Берлин с его огромными пустыми пространствами, пустырями и “тенями” прошлого показался... городом... где более, чем где-то еще, могла выйти на поверхность недодуманность времени (не только забытого, скрытого, отрицаемого)» [1]. Пример с Берлином показателен: в течение всех 1990-х гг. он стал лабораторией, как пишет Артог, местом «размышления», породив споры, образы, слова и тексты, «время здесь было проблемой, видимой, осязаемой... какие отношения поддерживать с... разными прошлыми? И какие отношения выстраивать с будущим? Что разрушать, что строить и как? Все это решения и действия, которые запускают четко выраженное отношение с временем» [Там же]. Ибо здесь четко – два в одном, Запад – Восток, народная демократия – федеративная республика, коммунистическая идеология – капиталистическая, скажем нейтрально, идеология. «И с той и с другой стороны Стены, – пишет Артог, – которая постепенно превращалась в стену времени, прежде всего принялись стирать прошлое», желая с обеих сторон и «построить новое об-

щество и перестроить старые здания». Любая карта, это стоит заметить, рисуется между амнезией (контурная карта, например) и долгом памяти. И каждая из них симфонически связана особым образом с другими: политическая с физической, исторической, социальной картами, уместающимися в карманах каждого человека и пр., путая времена и в то же время с помощью очевидных технических средств *выделяя* их. Такого рода способность искать дифференциалы цивилизации, истории, культуры позволяет иначе поставить и вопрос отношений с временем, ибо разборка (деструкция) содержания времени (мы сейчас не ставим вопрос, что такое время само по себе) позволяет понять кризисные моменты. Интерес здесь в том, что меняются местами неясности: если неясные очертания кризиса проступают сквозь события, уходящие в прошлое и повлекшие за собой вполне определенное будущее, то во время кризиса прошлое и будущее, как и настоящее, начинают терять свои очертания, когда нельзя понять, что зависит от чего – «все смешалось в доме Облонских». И только будущее сияет своей неизбежностью конца.

А потому: хотя пандемия действительно выявила тенденцию представить понятие «цивилизация» глобальным, это вместе с тем значит, что мы вправе поставить под сомнение или, наоборот, принять и осмыслить любую периодизацию, с которой и раньше были проблемы (Античность, Средние века – Петрарка считал, что он живет в Античности, куда что-то посерединке затесалось). Мы прибавляем то тринадцать дней, чтобы совместить даты, то двенадцать, одиннадцать и т.д. – выстроен реестр прибавок и отъятий. О том, что времена смешаны, однако, знают археологи, об этом писала О.А. Седакова [10], об этом писали мы с А.П. Огурцовым в «Онтологии процесса» [7]. Россия не с Востоком – с Европой приняла одно и то же летосчисление и отделяется сразу от всех: и от Запада, и от Востока, имея двойной Новый год, другую дату Рождества, Пасхи и пр., если и совпадая в чем-то со своими соседями, то по причине расчетов, имеющих космические основания. Эта неосознанность времени, осуществляемая вполне сознательными людьми, позволяет им на основании внешних признаков сопоставлять нынешнее переходное в будущее пространство время, сравнивать его с довоенным прошлым. В этом смысле Россия вполне имеет право называться разделенной цивилизацией. Образуется странная двойственность: включенность в мир как его слой и выключенность из него с симуляцией его признания. Рубцов пишет: «В этом плане Россия есть одновременно: 1) часть мировой цивилизации, 2) редчайший случай цивилизации, располагающей ресурсом уничтожения цивилизации на планете Земля, 3) достаточно определенная локальная (одна из локальных) цивилизация, 4) особого рода более или менее эклектическая сборка отдельных цивилизационных фрагментов». Рубцов совершенно прав, говоря о российской неравновесности, он называет это дви-

жущейся платформой. Повторю его слова, выше уже цитированные, но сменив аспект: «Фундаментальная и именно цивилизационная проблема нынешней России как раз и заключается в столкновении незавершенного позитива модерна с экстремальным политическим постмодернизмом, последовательно разрушающим принципы порядка, денотации и адекватности смысла и заменяющим все это совершенно отвязанной эклектикой и “онтологической” безответственностью». Эту двусмысленность необходимо постоянно подчеркивать, выделяя слои картирования, его иерархии, создающие комбинаторные объемы, в результате которых цивилизации, однако, могут оказаться *не частями единой цивилизации, а самостоятельными образованиями*, обладающими скорее полиморфным существованием, разными *модусами жизни* (бытия), чем именем цивилизации. Или что-то из них является цивилизацией, а что-то нет, или *все* они – цивилизации, но тогда все надо накрывать сетью, как симфониями. Тогда она одна, и мы вернулись к старой, «опущенной» теологической системе, но оказавшись при этом вне ее, в иноприродности, во всяком случае не в истории, – не случайно уже давно взгляд смещается в сторону археологии, антропологии и к земле, но не той, к какой мы привыкли, потому что привыкли мы к оболочке, скорее являющейся, по выражению Б. Латура, кожей земли [6].

Я бы сказала, что мы могли бы усилить предложенное картирование акторно-сетевой теорией, если примем в расчет то, что Латур назвал критической зоной (т.е. *иным* планеты). Это иное вступает не в оппозицию, а в борьбу с той природой, которой оно обладает как часть универсума.

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Svetlana S. Neretina – Sc.D. in Philosophy, Chief research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
abaelardus@mail.ru

Список литературы

1. *Артоз Ф.* Порядок времени, режимы историчности / Пер. с франц. Аллы Беляк // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj2tenmqOXuAhURxosKHdZpBo8-QFjAAegQIARAC&url=https%3A%2F%2Fmagazines.gorky.media%2Fnz%2F2008%2F3%2Fporyadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html&usq=AOvVaw1ZW7mkk rFOzbHW01_IE7F0 (дата обращения: 13.02.2021).
2. *Бондаревский А.С.* Определение понятия «новизна». Формализованный подход // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 1. С. 125–142.
3. *Гедтер М.Я.* В разговорах с Глебом Павловским. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. М.: Европа, 2014. 400 с. URL:

- <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/129571-bleb-pavlovskij-mihail-gefter-v-razgovorah-s-blebom-pavlovskim-tretego-tysyacheletiya-ne.html> (дата обращения: 12.02.2021).
4. *Ерусалимский К.Ю.* «Прекрасный исследователь московских дел» / Запись С. Нарановича. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwi4vaK7mOnuAhWFK3cKHYNEDB8QFjAAegQIBhAC&url=https%3A%2F%2Fflenta.ru%2Farticles%2F2015%2F11%2F22%2Fkurbskiy%2F&usg=AOvVaw3IFFyqNB7IAAflWZU9yrU> (дата обращения: 14.02.2021).
  5. *Клейн Л.С.* История археологической мысли: в 2 т. Т. 1. СПб., 2010. 316 с. Т. 2. СПб., 2011. 688 с.
  6. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2006. 296 с.
  7. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Онтология процесса. М.: Голос, 2014. 723 с.
  8. *Неретина С.С.* Пауза созерцания. Архаисты и новаторы. М.: Голос, 2018. С. 328–348.
  9. *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 37–48.
  10. *Седакова О.А.* Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.
  11. *Koselleck R.* Le futur passé. Paris: de l'Ecole des hautes études en sciences sociales, 1990. P. 307–329.

References

1. Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti / Per. s franc. Ally Belyak // Neprikosnovennyj zapas. 2008. № 3. URL: https://www.google.ru/url?sa=&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj2tenmqOXuAhURxosKHd-ZpBo8QFjAAegQIARAC&url=https%3A%2F%2Fmagazines.gorky.media%2Fnz%2F2008%2F3%2Fporyadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html&usg=AOvVaw1ZW7mkk rFOzbHW01_1E7F0 (reference date: 13.02.2021).
2. *Bondarevskij A.S.* Opredelenie ponyatiya «novizna». Formalizovannyj podhod // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2012. № 1. S. 125–142.
3. *Gefter M.Ya.* V razgovorah s Glebom Pavlovskim. Tre'tego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. M.: Evropa, 2014. 400 s. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/129571-bleb-pavlovskij-mihail-gefter-v-razgovorah-s-blebom-pavlovskim-tretego-tysyacheletiya-ne.html> (reference date: 12.02.2021).
4. *Erusalimskij K.Yu.* «Prekrasnyj issledovatel' moskovskih del» / Zapis' S. Naranovicha. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwi4vaK7mOnuAhWFK3cKHYNEDB8QFjAAegQIBhAC&url=https%3A%2F%2Fflenta.ru%2Farticles%2F2015%2F11%2F22%2Fkurbskiy%2F&usg=AOvVaw3IFFyqNB7IAAflWZU9yrU> (reference date: 14.02.2021).
5. *Klejn L.S.* Istoriya arheologicheskoy mysli: v 2 t. Т. 1. SPb., 2010. 316 s. Т. 2. SPb., 2011. 688 s.
6. *Latur B.* Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v SPb., 2006. 296 s.
7. *Neretina S.S., Ogurcov A.P.* Ontologiya processa. M.: Golos, 2014. 723 s.
8. *Neretina S.S.* Pauza sozercaniya. Arhaisty i novatory. M.: Golos, 2018. S. 328–348.

-
9. Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. «Russkaya sistema» kak popytka ponimaniya russkoj istorii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2001. № 4. S. 37–48.
  10. Sedakova O.A. Poetika obryada: Pogrebal'naya obryadnost' vostochnyh i yuzhnyh slavyan. M.: Indrik, 2004. 319 s.
  11. Koselleck R. Le futur passé. Paris: de l'Ecole des hautes études en sciences sociales, 1990. P. 307–329.